

УДК 903.08

**Ю.С. Худяков<sup>1</sup>, К.Ы. Белинская<sup>2</sup>**<sup>1</sup>*Институт археологии и этнографии СО РАН  
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия  
E-mail: khudjakov@mail.ru*<sup>2</sup>*Новосибирский государственный университет  
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия  
E-mail: toiotakarina@mail.ru*

## КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА АЙЛЯН В ГОРНОМ АЛТАЕ\*

*В статье исследуется достаточно редкое для Горного Алтая каменное изваяние культуры древних тюрков. В подавляющем большинстве древнетюркских каменных фигур на территории Центральной Азии, в частности Саяно-Алтая, воплощен образ мужчины-воина. Однако в рассматриваемой скульптуре запечатлена женщина. Изучение данного изваяния позволяет существенно уточнить и дополнить имеющиеся представления о поминальной обрядности восточных тюрков.*

Ключевые слова: каменное изваяние, культура, древние тюрки, Горный Алтай.

### Введение

Антропоморфные каменные изваяния, расположенные в степях Евразийского пояса, издавна привлекают внимание исследователей древних и средневековых культур кочевых народов. Одним из наиболее изученных к настоящему времени районов распространения таких скульптур является Горный Алтай.

Впервые сведения о «каменных бабах», вероятно, имеющие отношение к Алтаю, были зафиксированы руководителем первой научной экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидтом во время его путешествия в Приобье. Со слов местного бугровщика исследователь записал, что на р. Порош – правом притоке Оби – должны быть «каменные бабы» [Messerschmidt, 1962, S. 75–76]. Бугровщикам, видимо, было известно о каменных изваяниях в горах Алтая [Борисенко, Худяков, 2005, с. 69]; в Верхнем Приобье подобные памятники не встречаются. Вероятно, какой-то инфор-

мацией о «каменных бабах» на территории Рудного Алтая располагал управляющий казенными заводами на Урале и в Сибири Г.В. де Геннин. На одном из рисунков рукописи его книги об этих заводах 1735 г. изображен огромный заросший лесом курган, насыпанный поверх склепов с захоронениями умерших людей и лошадей, к которым пробивают лаз бугровщики. На поверхности насыпи этого кургана показаны два каменных изваяния антропоморфных существ с согнутыми в локтях руками. Данный рисунок был впервые опубликован в 1965 г. [Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 1]. Путешествовавший в 1771 г. по Кольваново-Воскресенскому горному округу выдающийся ученый и путешественник П.С. Паллас среди разных видов археологических памятников отмечал и каменные изваяния [1786, с. 197–198]. В 1785 г. в ходе поисков рудных месторождений в Верхнем Прииртышье рудознатцы Н. Шангин и Л. Феденев обнаружили и зарисовали каменную фигуру, установленную рядом с курганом [Демин, 1989, с. 19]. В начале XIX в. Г.И. Спасский, работавший в Кольваново-Воскресенском горном округе, опубликовал изображения и описания некоторых каменных «истуканов» или плит с

\*Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766).

«начертанием лиц человеческих» [Там же, с. 42]. На одном рисунке показана каменная фигура с сосудом в обеих руках и округлыми женскими грудями [Там же, с. 48]. В 1980-х гг. это изображение неоднократно приводилось в работах исследователей [Кубарев В.Д., 1984, с. 4, рис. 1; Белокобыльский, 1986, с. 47, рис. 11; Демин, 1989, с. 48]. Важным событием в исследовании каменных изваяний Алтая явилось создание в 1823 г. Барнаульского музея, в экспозиции которого были каменные изваяния людей и скульптура барана. Описание этих изображений оставил К.Ф. Ледебур, осмотревший музейную экспозицию во время своего путешествия по Алтаю в 1826 г. Особый интерес у него вызвал «сфинкс, изваянный из камня», который «был найден в чудской могиле». В той же экспозиции было представлено «несколько каменных плит с чудских могил, украшенных рельефными изображениями человеческих фигур» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 148]. В середине XIX в. интерес к изучению каменных изваяний Южной Сибири и евразийских степей проявил палеонтолог и минералог К.Э. Эйхвальд. Он считал, что «самые древние» из них находятся в Восточной Сибири и на Алтае. Среди известных ученому памятников была скульптура, установленная на р. Чарыш в месте впадения в нее р. Пихтовки. По мнению К.Э. Эйхвальда, каменная фигура, выполненная с особым «рачением и искусством», изображала «женщину с чашкою в руках» [1858, с. 26].

Ученые XVIII – первой половины XIX в. рассматривали каменные изваяния, как правило, вне контекста всего памятника. Скульптуры, обнаруженные на Алтае и в Минусинской котловине, они не разделяли на древние и средневековые и относили их, как и все другие археологические памятники, к бронзовому веку, считали «надгробными памятниками» и приписывали мифическому древнему народу «чуди».

Во второй половине XIX в. изучением каменных изваяний Алтая успешно занимался В.В. Радлов. В начале исследовательской деятельности ему были известны «только две статуи с Алтая», хранившиеся в Барнаульском музее. Как первоначально считал исследователь, это были фигуры, держащие в руках «урны для праха». «На лице одной из них были большие усы и отчетливо видна борода, лицо другой фигуры, изображавшей, вероятно, женщину, было безволосым» [1989, с. 434]. Эти скульптуры В.В. Радлов относил к «памятникам бронзового периода» [Там же, с. 436]. На Алтае им раскопаны расположенные рядами «огороженные камнями прямоугольники». Поскольку внутри последних не было могил, ученый считал их «местами жертвоприношений» [Там же, с. 414]. В.В. Радловым создана первая для территории Саяно-Алтая научно обоснованная периодизация археологических памятников, среди которых выделены комплексы «новейшей эпохи железного века»; мате-

риалы последних были сопоставлены со сведениями китайских источников о средневековых тюрках, кыргызах и уйгурах [Там же, с. 468].

Решающее значение для успешного изучения поминальных комплексов и каменных изваяний Центральной Азии имело открытие в 1889 г. Н.М. Ядринцевым в местности Хушо Цайдам в долине р. Орхон в Монголии мемориальных комплексов с изваяниями людей, животных и памятными надписями. В последующие годы эти памятники обследовались экспедицией специалистов из Финляндии во главе с А. Гейкелем и Орхонской экспедицией Российской академии наук под руководством В.В. Радлова [Войтов, 1996, с. 13]. В последующие годы участниками российских и финских экспедиций были открыты многие поминальные памятники, стелы с надписями и каменные изваяния на территории Монголии, Тувы, Алтая, Тянь-Шаня и Семиречья. Расшифровка рунической письменности В. Томсенем и переводы рунических надписей В.В. Радловым позволили сделать вывод о принадлежности этих памятников культуре древних тюрков [Радлов, 1892, с. 7]. В процессе изучения древнетюркских поминальных памятников, которые многие ученые считали «могилами» тюркской знати, В.В. Радлов и вслед за ним В.Л. Котвич высказали предположение, что некоторые каменные скульптуры на памятнике Хушо Цайдам, изображающие сидящих людей, «изображают хана и ханшу» – восточно-тюркского Бильгекагана и его супругу [Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 3; Котвич, 1914, с. 54]. В XX в. были интерпретированы и некоторые другие парные скульптуры людей в сидящей позе на памятниках высшей знати древних тюрков в Хушо Цайдаме и Налайхе [Войтов, 1996, с. 110; Окладников, Худяков, Асеев, Конопацкий, 1983, с. 24]. В конце XIX в. значительную группу изваяний на территории Саяно-Алтая обнаружила финская экспедиция под руководством И.Р. Аспелина. Учеными были зарисованы изваяния в Минусинской котловине, Туве и Горном Алтае. Эти материалы были опубликованы в 1931 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 124, 211, 212, 216, 301, 316–318, 322, 323, 326, 333, 341–343]. Среди зафиксированных исследователями изваяний выделена «женская фигура» на памятнике Чирчарек на р. Хемчик в Туве [Ibid., Abb. 320]. Были введены в научный оборот каменные изваяния, хранившиеся в Барнаульском музее, одно из которых ранее считалось женским [Ibid., Abb. 341–343].

В 1929 г. С.А. Теплоуховым была разработана классификация древних и средневековых культур Минусинской котловины, в рамках которой выделены памятники «алтайских тюрков» [1929, с. 56]. На основе этой классификации М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер смогли выделить из многочисленных енисейских каменных изваяний средневековые скульптуры, которые были не характерны для Минусинской котловины

[Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 84–87]. Во второй половине XX в. началось целенаправленное изучение каменных изваяний Центральной Азии. В 1952 г. Л.А. Евтюховой была введена в научный оборот первая сводка каменных изваяний территорий Монголии и Южной Сибири. В ней приведены описания 19 каменных изваяний и рисунки еще 10 скульптур Алтая [Евтюхова, 1952, с. 72–77, рис. 71, 1–10]. На Алтае и в Туве Саяно-Алтайской экспедицией было раскопано свыше десяти поминальных оградок, рядом с некоторыми из них находились каменные изваяния. Опираясь на материалы этих раскопок, Л.А. Евтюхова пришла к выводу, что «площадки в пределах оградки являются местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах». Поминальные комплексы высшей знати в Монголии она считала «ханскими могилами», а среди изваяний выделяла скульптуры, изображавшие «хана, ханшу и их приближенных» [Там же, с. 115]. В своей статье Л.А. Евтюхова только в отношении одной (из 92) статуи на территории Тувы предположила, что «имеющиеся на груди кружки могут передавать женские признаки, но могут быть и деталями одежды и нагрудными бляхами панциря» [Там же, с. 94]. В 1960-х гг. А.Д. Грачом были обобщены результаты изучения каменных изваяний на территории Тувы. Исследователь сделал вывод, что все изученные им скульптуры изображают мужчин, и отнес «основное число фигур», установленных около оградок, к VII–VIII вв., а «поздние фигуры» без оградок – к VIII–IX вв. По мнению А.Д. Грача, изваяния изображают не самих поминаемых тюрок, а их «главных врагов» [1961, с. 67, 76, 91–92]. Я.А. Шер обобщил информацию о каменных изваяниях и классифицировал эти фигуры Семиречья и Тянь-Шаня. Среди выделенных им групп были «женские изваяния с сосудом в обеих руках». Исследователь допускал, что к числу женских могут относиться некоторые статуи еще двух групп – «мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия» и «изваяния с изображением только лица или головы человека», среди которых также представлены женские изображения. Я.А. Шер отметил, что «женские изображения характерны для Семиречья и не характерны для Южной Сибири и Монголии». Выделенные им группы были распределены по двум типам: в первом оказались фигуры четырех первых групп, а во втором – изваяния человека с сосудом в обеих руках [Шер, 1966, с. 22, 26, 29]. Изваяния I типа датированы VI–VIII вв., II типа – VIII–IX вв., хотя традиция их создания существовала значительно дольше, чем традиция древнетюркских скульптур [Там же, с. 44]. Изваяния I типа Я.А. Шер относил к поминальному культу древних тюрок, а скульптуры II типа он связывал с уйгурами, с культом обожествленных пред-

ков [Там же, с. 64, 70]. Сходного мнения о каменных изваяниях на территории Тувы придерживался Л.Р. Кызласов. Он считал, что разнотипные каменные изваяния при оградках принадлежали древнетюркской культуре VI–VIII вв., а «поздние каменные скульптуры» с сосудом в обеих руках – «местным племенам», обитавшим в Туве в периоды «уйгурского владычества» и позднее, в VIII–X вв. [1969, с. 32, 82]. В 1984 г. В.Д. Кубаревым была опубликована более полная, чем предложенная Л.В. Евтюховой, сводка изваяний на территории Горного Алтая [1984, с. 102–179]. Автором учтены 256 антропоморфных каменных изваяний и выделены четыре типа скульптур, некоторые из них отнесены к VII–X вв., отдельные «поздние» – к X–XII вв. и даже к периоду «вплоть до XIV в.». [Там же, с. 45–46]. В.Д. Кубаревым раскопано ок. 50 поминальных оградок с каменными стелами и изваяниями, поминальные сооружения разделены на пять типов. Исследователем высказано несколько весьма спорных предположений о первоначальной конструкции древнетюркских поминальных сооружений, назначении балбалов и реконструкции поминального обряда [Там же, с. 63–81]. В последующие десятилетия в разных районах Горного Алтая было выявлено еще немало количество древнетюркских поминальных комплексов и каменных изваяний [Бородовский, 1994; Бородовский, Бородовская, 2009, с. 233; Горбунов, Тишкин, 2007; Кубарев В.Д., Кочеев, 1988; Кубарев Г.В. и др., 2002; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009, с. 308–310; Полосьмак, Богданов, Кубарев Г.В., 2010, с. 290–292; Тишкин, Горбунов, 2003, с. 492; Эбель, Буржуа, Соенов, Кубарев В.Д., 2010, с. 335–337; Худяков, Бородовский, 1993]. В те же годы было продолжено изучение древнетюркских каменных изваяний и поминальных комплексов на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 157; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 63–64; 2000, с. 66–69; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 72–79]. В первые десятилетия XXI в. целенаправленно изучались древнетюркские и кыпчакские каменные изваяния на территории Казахстана [Досымбаева, 2006, с. 30–51, 92–106; Ермоленко, 2004, с. 22–38], а также древнетюркские и монгольские каменные скульптуры на территории Монголии [Баяр, 1985, с. 149–158]. Серия антропоморфных каменных изваяний, среди которых представлено значительное количество скульптур древних тюрок, выявлена в Восточном Туркестане [Худяков, 1998, с. 215–219].

Раннесредневековые каменные изваяния Центрально-Азиатского региона, по мнению большей части исследователей, воспроизводят облик умерших тюркских мужчин: воинов, военачальников и правителей. Их скульптуры находились при поминальных оградках, к востоку от которых в ряд устанавливались каменные столбики – балбалы, символизирующие убитых врагов. Такой вариант поминального обряд-

ности, в котором наиболее отчетливо отразились обряды почитания воинов и военно-дружинная идеология, сформировался в период существования Первого Тюркского каганата и получил развитие во время Второго Восточного Тюркского каганата. Определенное влияние на оформление поминальных мемориалов высшей знати оказал императорский культ китайской империи Тан. Однако на поминальных памятниках западных тюрок нет балбалов, но имеются скульптуры, изображающие не только мужчин, но и женщин, а в редких случаях и детей. Вероятно, у западных тюрок поминальный обряд сохранил традиционные элементы, в основе которых были культ родовых и семейных предков по мужской и женской линиям. Наличие мужских и женских изваяний на памятниках свидетельствует о том, что этот вариант поминального культа сохранился у кыпчаков и средневековых монголов.

Семейно-родовые черты поминального культа, вероятно, были характерны для культуры древних тюрок еще до ее разделения на западный и восточный варианты. В пользу такого предположения свидетельствуют находящиеся на территории расселения восточных тюрок редкие женские каменные изваяния. Примером могут служить объемные скульптуры сидящих женщин на памятниках высшей знати Второго Восточного Тюркского каганата в Хушо Цайдаме и Налайхе в Монголии. Возможно, что к ним следует отнести две статуи сидящих женщин на памятниках Сарыг-Булун и Кызыл-Мажалык в Туве. Отдельные статуи древнетюркских женщин входят в состав рядовых поминальных комплексов или расположены одиночно. К их числу можно отнести скульптуру на памятнике Чирчарек в Туве, изваяние на р. Чарыш на Алтае. Изображением женщины некоторые исследователи считали одну из статуй из собрания Алтайского государственного краеведческого музея (г. Барнаул), хотя на ней не были изображены женские груди [Радлов, 1889, с. 434]. Дальнейший поиск древнетюркских каменных изваяний поможет расширить круг таких находок в пределах Саяно-Алтая и Центральной Азии.

### Описание изваяния

В 2008 г. жителем с. Барагаш Шебалинского р-на Республики Алтай В. Шагаевым в урочище Айлян, которое расположено на расстоянии ок. 1 км на юго-запад от села, было обнаружено не полностью сохранившееся каменное изваяние, изображающее женщину. Оно лежало на поверхности распаханного поля. Поминального сооружения поблизости не было. Вероятно, первоначально скульптуру установил создавший ее мастер, а в дальнейшем изваяние переместили на окраину поля. После обнаружения каменное изваяние было установлено вертикально посреди груди камней

и подперто с задней стороны скальными обломками (рис. 1). В 2010 г. памятник был обследован одним из авторов настоящей статьи – К.Ы. Белинской.

Изваяние изготовлено из массивной каменной плиты сланцевой породы серо-зеленого цвета. Каменная скульптура сильно повреждена. Ее нижняя часть обломана и не сохранилась. Линия излома проходит наискось от уровня предплечья правой руки до согнутой левой руки. Верхняя часть изваяния по линии головного убора частично сколота. Высота сохранившейся части изваяния 70 см, ширина 43 см, толщина 5 см. Реалии, изображенные на изваянии, выполнены в техниках углубленного контррельефа и точечной выбивки. В верхней половине сохранившейся части каменного монолита двумя углублениями с обеих сторон выделены голова и плечи. Наверху горизонтальной чертой обозначен головной убор, напоминающий сферическую шапочку. Несколько ниже невысоким барельефом показаны широкие дугообразные брови вразлет, которые на переносице соединены одной линией, образующей небольшой, слегка расширенный и приостренный нос. С двух сторон от носа узкими горизонтальными щелочками переданы глаза. Под носом узкой полоской выделен рот. Еще ниже угловатой чертой выбит овал лица с приостренным подбородком. С левой стороны от плеча до области пояса точечной выбивкой показана левая рука, согнутая в локтевом суставе. На противоположной стороне длинной диагональной полосой обозначена часть правой руки. Спереди между предплечьями точечной выбивкой выделены два близких по диаметру круга. Вероятнее всего, таким образом изображена женская грудь (рис. 2–4). Некоторые линии точечной выбивки

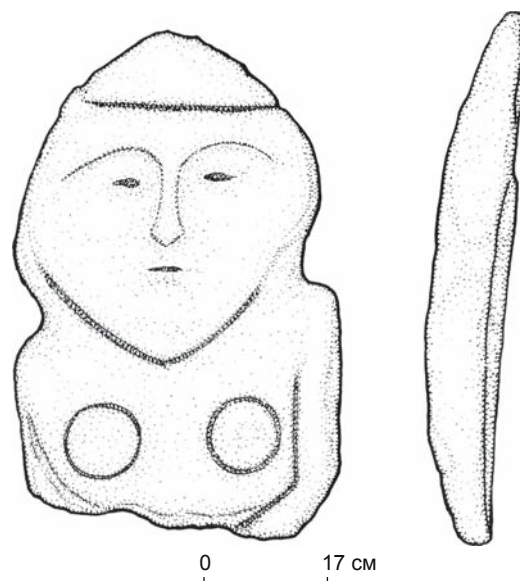


Рис. 1. Изваяние, обнаруженное в урочище Айлян (прорисовка).



Рис. 2. Место обнаружения изваяния. Общий вид.



Рис. 3. Изваяние в урочище Айлян. Вид спереди.



Рис. 4. Изваяние в урочище Айлян. Вид с левой стороны.

на изваянии, возможно, были позднее подновлены. Нижняя часть фигуры обломана, поэтому невозможно определить, имелись ли на ее лицевой стороне еще какие-либо изображения. Можно предположить, что у фигуры, как и у многих других каменных изваяний древнетюркской культуры, были выделены руки, держащие на животе сосуд.

Изваяние было создано, возможно, древними тюрками и установлено в урочище Айлян либо одиночно, либо подле поминальной оградки. Скорее всего, фигуру сломали уже в XX в. во время проведения сельскохозяйственных работ – при удалении камней для распашки поля. В настоящее время изваяние перенесено в с. Барагаш и хранится у обнаружившего его жителя.

Изваяние из урочища Айлян изготовлено в традиционной для древнетюркской культуры манере, сочетающей точечную выбивку и низкий барельеф, которая характерна для многих каменных скульптур с выделенной верхней частью туловища или только с головой либо с лицом [Грач, 1961, с. 54; Шер, 1966, с. 26; Кубарев В.Д., 1984, с. 21]. Вероятнее всего, статуя была создана не профессиональным камнетесом, а рядовым древнетюркским кочевником, имеющим некоторый опыт изготовления каменных фигур. В пользу этого предположения может свидетель-

ствовать применение техники низкого барельефа при выполнении некоторых деталей изваяния. Основные детали изображения, выделенные голова и плечи, личина, согнутая в локтевом суставе левая рука обычны для древнетюркских каменных изваяний разных типов. Сферическую форму головного убора также трудно назвать специфичной, поскольку похожие шапочки изображены на каменных скульптурах на разных территориях Центральной и Средней Азии [Евтюхова, 1952, с. 102; Грач, 1961, с. 60; Кубарев В.Д., 1984, с. 26; Ермоленко, 2004, с. 26]. Следует учитывать, что верхняя часть головного убора фактически специально не оформлена. Она соответствует естественным очертаниям каменного монолита. При определении того, чей облик запечатлен на данном изваянии, на наш взгляд, важно учитывать, что лицо поминаемого человека показано без усов и бороды, а на верхней части туловища двумя окружностями обозначены женские груди. Следовательно, можно считать, что изваяние из урочища Айлян изображает тюркскую женщину.

Каменное изваяние, найденное в урочище Айлян, – не единственное, которое в недавнем прошлом находилось поблизости от с. Барагаш в Шебалинском р-не Республики Алтай. Ранее в окрестностях этого села при проведении сельскохозяйственных работ студентами из Горно-Алтайска было обнаружено каменное изваяние, изображавшее древнетюркского усатого мужчину в выделенном головном уборе, с сосудом в правой руке, согнутой в локте, и с левой рукой на поясе, к которому с правой стороны подвешен каптаргак, а с левой – прямой клинок в ножнах [Кубарев В.Д., 1984, с. 102–103, табл. I, 2]. Возможно, на одном из распаханых полей близ с. Барагаш когда-то находился поминальный комплекс древнетюркской культуры.

### Вопросы хронологии и культурной принадлежности изваяния

Для территории Саяно-Алтая айлянское женское каменное изваяние – достаточно редкое, но не уникальное явление. Как отмечалось выше, в XIX–XX вв. несколько таких изваяний уже было обнаружено в разных районах Горного Алтая и Тувы. В 1819 г. изваяние человека с сосудом в обеих руках и выделенными женскими грудями с «Алтайских гор» было опубликовано Г.И. Спасским (рис. 5, 3). Этот рисунок приведен в работе по истории изучения алтайских древностей и сводке каменных изваяний с Алтая [Демин, 1989, с. 48; Кубарев В.Д., 1984, рис. 1]. О каменной скульптуре «женщины с чашкою в руках» с р. Чарыш упомянул в своем сочинении К.Э. Эйхвальд [1858, с. 26]. Еще одно каменное

изваяние человека с сосудом в обеих руках, которое некоторые ученые считали женским, хотя на нем не было изображения женской груди, в течение длительного времени находилось в экспозиции Алтайского государственного краеведческого музея (г. Барнаул) (рис. 5, 2). Оно было описано В.В. Радловым [1989, с. 434], а позднее зарисовано участниками финской экспедиции [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 343]. Согласно результатам изысканий В.Д. Кубарева, на одном из отмеченных им изваяний из окрестностей с. Куяс на средней Катунь «точной техникой» ниже овала лица «на груди двумя ямками намечены нагрудные бляхи или грудь» [1984, с. 104, табл. I, 9]. Еще одна каменная скульптура человека в округлой шапке с загнутыми сверху наушами, с безусым и безбородым лицом, выделенной женской грудью и сосудом в обеих руках находилось в долине р. Хемчик в Туве [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 320] (рис. 5, 1). В долине этой реки в урочище Эрги-Барлык в разное время было обнаружено два изваяния с сосудами в обеих руках и сферическими парными выпуклостями на груди; одна фигура человека с оружием на поясе безусловно является мужской, а другая – возможно, женской [Кызласов,

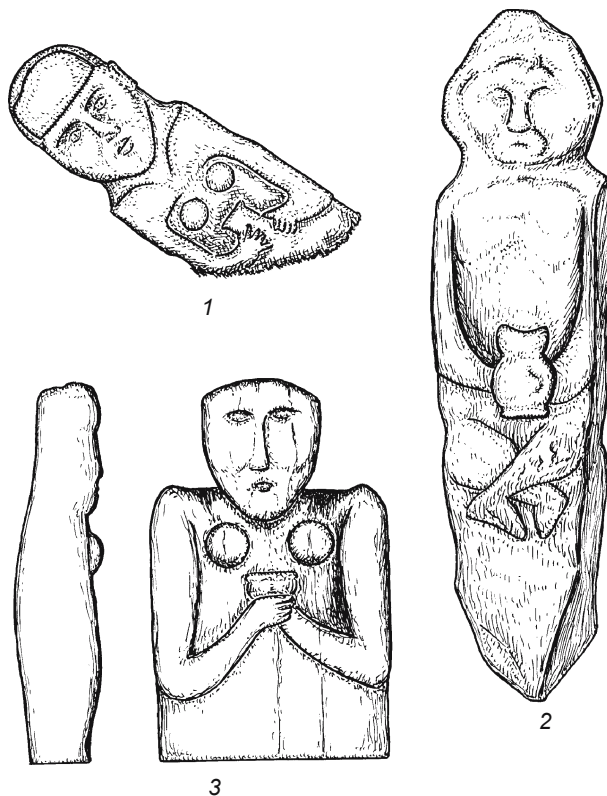


Рис. 5. Каменные изваяния, изображающие женщин из Саяно-Алтая.

1 – Чирчарек на р. Хемчик в Туве; 2 – Барнаулский музей (по: [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 320, 343]); 3 – с «Алтайских гор» (по: [Демин, 1989, с. 48]).

1969, рис. 27, 4]. Барельефные, или выбитые, округлые груди изображены на многих женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и Семиречья [Шер, 1966, рис. 3, табл. XXV, 122, 123; XXVI, 124–127, 129; XXVII, 134; XXIX, 144, 145].

Необходимо отметить, что некоторые исследователи выражали сомнение в том, что две сферические выпуклости или выбитые окружности, изображенные на изваяниях, «могут передавать женские признаки», и предлагали считать их «деталью одежды и нагрудными бляхами панциря» [Евтюхова, 1952, с. 94]. «Круглые парные бляхи – деталь защитного панциря» отмечены на нескольких скульптурах Горного Алтая В.Д. Кубаревым [1984, с. 29]. «Две круглые бляхи на груди» показаны на изваянии с местонахождения Нижняя Талда, расположенного в окрестностях с. Курота в Огудайском р-не Республики Алтай, «три рельефных кружка» – на «сланцевой плите» из урочища Кырландын-Кини на левом берегу р. Аргут, «четыре круглые бляхи» – на статуе из степи Макажан в долине р. Коксу, «едва различимые рельефные изображения круглых нагрудных блях» – на скульптуре из местности Кара-Дюргун между пос. Кокоря и Ташанта; все эти три местонахождения расположены в Кош-Агачском р-не Республики Алтай [Кубарев В.Д., 1984, с. 112, 142, 151, 164]. Указанные фигуры, кроме тех, что показаны на обломанном изваянии из Нижней Талды, можно считать изображениями не женской груди, а каких-то иных реалий [Там же, табл. XXIV, 150; XXIX, 182; XXXVII, 219].

У большей части таких каменных фигур в обеих руках, согнутых в локтях, изображен сосуд, поэтому эти статуи могут быть отнесены к группе изваяний с сосудом в обеих руках. Возможность включения в данную категорию изваяния из урочища Айлян вызывает сомнения, поскольку в нижней части фигура обломана. Согласно результатам изысканий ряда исследователей, подобные изваяния на территории Саяно-Алтая могли получить распространение в поминальной обрядности древних тюрков в уйгурское и кыргызское время [Грач, 1961, с. 67; Кызласов, 1969, с. 80, 82]. Традиция изображать округлые женские груди на каменных изваяниях сохранилась в культуре восточных кыпчаков [Ермоленко, 2004, с. 33]. Подобная манера изображения женской груди не характерна для половецких каменных изваяний [Плетнева, 1974, с. 74]. Иначе выделена грудь и на монгольских каменных скульптурах. На территории Монголии известно лишь одно изваяние, на котором показаны округлые женские груди, но оно изображает не женщину, а обнаженного мужчину [Баяр, 1985, с. 151, рис. 3, 1]. Айлянское изваяние можно отнести к поминальной традиции, характерной для завершающего, курайского этапа древнетюркской культуры Горного Алтая.

## Заключение

Традиция поминания родовых предков как по мужской, так и по женской линии, строительства поминальных оградок и установки каменных стел у кочевых народов Центрально-Азиатского региона восходит к бронзовому и раннему железному векам. Однако в определенные периоды, когда в жизни кочевого общества возрастала роль военной идеологии, эта традиция трансформировалась в обряд почитания выдающихся героев-воинов, богатырей, которые должны были служить эталоном мужского поведения и примером подражания для подрастающих поколений кочевников. В древности ярким примером подобной эволюции поминальной обрядности можно считать появление традиции почитания воинов-колесничих в виде оленных камней [Худяков, 1998, с. 158]. В ходе грандиозных завоеваний древних тюрков и максимального расширения границ Первого Тюркского каганата, объединившего под своими знаменами многие кочевые племена степного пояса Евразии, такой же военизированный характер приобрела древнетюркская поминальная обрядность, которая была ориентирована на прославление тюркских воинов. После распада единого древнетюркского государства на два самостоятельных каганата, которые уже не могли претендовать на покорение всего кочевого мира, характер поминальной обрядности в культурах тюркских номадов стал постепенно меняться. У западных тюрков и тюргешей обряд поминания умерших предков и родственников приобрел свое первоначальное значение культа родовых предков, поэтому там стали поминать не только умерших мужчин, но и женщин, а в некоторых случаях даже детей, которым сооружали поминальные оградки и устанавливали изваяния [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 85].

У восточных тюрков, живших в Саяно-Алтае, обычно поминать в рамках поминальной обрядности не только мужчин-воинов, но и женщин, тюркских жен и матерей начал распространяться во время возвышения Второго Восточного Тюркского каганата. В период правления Бильге-кагана на мемориальных комплексах высшей знати помимо статуй самих восточно-тюркских правителей, полководцев и советников стали устанавливать скульптуры их главных жен – «мудрых хатун». Появление женских изваяний в составе поминальных комплексов, сооруженных в честь представителей высшей знати, способствовало распространению подобной моды среди правящей элиты государства. Благодаря этому на поминальных комплексах знатных тюрков стали устанавливать парные изваяния, часть которых изображала женщин. Ситуация изменилась после крушения Второго Восточного Тюркского каганата, когда знать восточных тюрков потеряла свое привилегированное положение,

вследствие чего монументальные поминальные комплексы в честь знатных лиц перестали сооружаться. Однако в последний период существования восточных тюрок, соответствующий завершающему курайскому этапу древнетюркской культуры, поминальная обрядность у них постепенно утрачивает свою военную идеологическую направленность. Это проявилось, в частности, в совершении традиционных поминальных обрядов и установке каменных изваяний в память не только о тюркских мужчинах-воинах, но и о рядовых соплеменниках, при поминальных оградках которых не устанавливались каменные столбики – балбалы, а также в честь тюркских женщин – жен и матерей. Вероятно, такая традиция поминальной обрядности среди восточных тюрок не получила достаточно широкого распространения, поскольку на территории их расселения в Центральной Азии каменных изваяний, которые определены как женские, выявлено немного. Вероятно, неслучайно такие фигуры представлены преимущественно на территориях Горного Алтая и Северной Тувы. Некоторыми исследователями высказывались предположения о том, что после распада Второго Восточного Тюркского каганата горные районы Алтая не были завоеваны уйгурами и не вошли в состав Уйгурского каганата. В Горном Алтае не обнаружено уйгурских памятников, которые можно было бы отнести к периоду существования этого государства. Вероятно, в уйгурское время на данной территории продолжало существовать самостоятельное тюркское владение вплоть до ее включения в состав Кыргызского каганата. Судя по погребальным и поминальным комплексам, тюркское население Горного Алтая сохранило особенности своей культуры до рубежа эпох раннего и развитого средневековья.

### Список литературы

- Баяр Д.** Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 148–159.
- Белокобыльский Ю.Г.** Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII – первая треть XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – 270 с.
- Бородовский А.П.** Исследование одного из поминально-погребальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 75–82.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Каменные изваяния в горной долине Нижней Катуні // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 229–234.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во Гос. Музея Востока, 1996. – 152 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.** Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. 3. – С. 119–124.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 94 с.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 63–93.
- Демин М.А.** Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.
- Дмитриева Е.Н., Левашова В.П.** Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. – 1965. – № 2. – С. 225–236.
- Досымбаева А.М.** Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Котвич В.Л.** В Хушо-Цайдаме // Тр. Троицкосав.-Кяхтин. отд-ния Приамур. отдела Имп. Рус. Геогр. об-ва. – СПб., 1914. – Т. XV, вып. 1. – С. 50–54.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.** Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка, лит., 1988. – С. 202–222.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.** Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.
- Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.** Исследование Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 357–360.
- Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д.** О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 373–376.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.
- Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.** Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: Наука, 1993. – 345 с.
- Окладников А.П., Худяков Ю.С., Асеев И.В., Конопацкий А.К.** Археологические исследования в Монголии в



1979-80 годах // Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1983. – С. 3–55.

**Паллас П.С.** Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. II, кн. 1. – 751 с.

**Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.

**Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В.** Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 289–293.

**Радлов В.В.** Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорской Академией наук экспедиции для археологического исследования р. Орхон // Сб. тр. Орхон. эксп. – СПб., 1892. – Вып. I. – С. 1–12.

**Радлов В.В.** Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

**Радлов В.В., Мелиоранский П.М.** Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. тр. Орхон. эксп. – СПб., 1897. – Вып. IV. – С. 1–45.

**Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

**Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С.** Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 55–81.

**Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – С. 65–85.

**Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 6–58.

**Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 488–493.

**Худяков Ю.С.** Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.Д. Грача. – СПб: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 215–219.

**Худяков Ю.С., Бородовский А.П.** Раскопки на Средней Катуні // Altaica. – 1993. – № 3. – С. 17–20.

**Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.** Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

**Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 139 с.

**Эбель А.В., Буржуа Ж., Соенов В.И., Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 335–338.

**Эйхвальд К.Э.** О чудских коях // Тр. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва. – СПб., 1858. – Ч. III. – С. 1–104.

**Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors: Finnische Altertumsengesellschaft, 1931. – 72 S.

**Messerschmidt D.G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin: Akademie Verlag, 1962. – Bd. I. – 379 S.

*Материал поступил в редколлегию 16.03.11 г.*